

Глава 1

Дом на краю

Офелия открыла глаза, не зная, что ее потревожило. Лай соседских собак? Пора бы уже привыкнуть, что каждую ночь они надрываются на всю округу. Или это ветер хлопает незакрепленными ставнями? Тогда нужно их запереть, иначе и дальше будут надоедливо греметь, не давая уснуть.

Соскользнув с кровати, она ощупью пробралась к окну. Темный провал дышал прерывисто, с протяжными выдохами и скрипучими вдохами. Задвижка была сломана, и распахнутые створки колыхались в воздухе, точно крылья ночной птицы. Офелия потянулась к ним, как вдруг заметила тень, мелькнувшую у крыльца. Она отпрянула, убеждая себя, что ей померещилось. Спряталась в складках занавесок, опасливо выглянула снова. Три темных человеческих силуэта обрисовались перед входной дверью. Кто бы это ни был, они пришли сюда не с благими намерениями.

Дом стоял на окраине, соседствуя с бедным кварталом и трущобами. Воровство и разбой давно стали для местных частью быта, из-за чего Офелия приняла полуночных гостей за грабителей. Таких не остановят дверные замки и задвижки на окнах.

Офелия заметалась по комнате, судорожно соображая, что делать: позвать сестру, разбудить родителей... И тут же замерла, сраженная ужасным осознанием. Родителей

больше нет, старшая сестра в отъезде, и рядом никого, кто мог бы защитить. Придется спасаться самой, поняла она и стремглав бросилась на первый этаж, где отчетливо слышалась возня за дверью. Пока бандиты мешкали, оставался шанс улизнуть через черный ход и перебраться в соседский двор, чтобы поднять тревогу.

Стараясь не выдать себя неосторожным движением или шумом, Офелия скользнула на кухню. Полумрак не помешал быстро отыскать ключ в корзине для фруктов и прокрасться к двери, ведущей на задний двор. До спасения оставалось несколько шагов, когда ручку дернули с той стороны. Иссохшее дерево задрожало на петлях, закашляло пылью из глубоких трещин.

Офелия нырнула под стол и спряталась за длинной скатертью, прежде чем дом сотрясся от череды гулких ударов, а потом вмиг стало так тихо, что она подумала, будто оглохла.

Вскоре беспокойный слух уловил шаркающие шаги в холле, на лестнице и, уже едва различимые, наверху. Что грабители рассчитывали отыскать в обветшалом, полузаброшенном доме? Отбросив лишние мысли, Офелия поползла к краю укрытия, надеясь улучшить момент и бежать. Ее остановил оглушительный грохот от мощного удара, выбившего кухонную дверь. Повеяло сквозняком, и колючий озноб охватил от макушки до пяток.

Затаившись, она слушала, как кто-то шаркает, гремит посудой, точно ищет еду, а потом, отыскав, противно чавкает. Трапеза увенчалась звоном опрокинутой тарелки и грязной бранью, следовавшей за этим. Скатерть свисала низко, оставляя небольшой просвет: через него виднелись осколки тарелки из обожженной глазури и кусок яблочного пирога. За ним потянулась огромная ручища, и Офелия невольно дернулась, поздно заметив, что край ночной сорочки предательски торчит из-под края. Совсем чуть-чуть — и все же достаточно, чтобы выдать ее укрытие. Только она подумала об этом, как скатерть резко задралась, и в полумраке возникло лицо: бледное пятно

с блестящими глазами. Взгляд их был злобным, почти хищным.

— Кто это у нас тут? — Бандит присвистнул. — Малышка хотела сыграть в прятки? Малышка проиграла.

Лицо засмеялось — хрипло и рвано, будто заляяло. Офелия швырнула в него пустой корзиной, подвернувшейся под руку, и выскочила из-под стола, однако не смогла даже шагу ступить, как разбойник поймал ее за рукав. От рывка тонкая ткань надорвалась и выскользнула из грубой лапищи, подарив короткую надежду на побег. Уже в следующую секунду Офелия получила удар под колени и вылетела из кухни, как камень из рогатки: стремительно, неуклюже, звучно. Не успела она оправиться от падения, как ее схватили за щиколотку с такой силой, что кости хрустнули. Свободной ногой Офелия попыталась лягнуть обидчика, но слабые удары, даже попадая в цель, оказались бесполезны. Она чувствовала себя рыбой, угодившей в сеть и бестолково бьющейся в смертельной ловушке. Грабителю ничего не стоило одним движением пресечь все попытки, а он медлил нарочно, с кровожадным оскалом наблюдая за ней, будто готовясь впиться зубами.

Внезапно за его спиной возникла широкая тень и, стремительно приблизившись, обрушилась сверху с дребезжанием и звоном. Офелия чудом успела откатиться в сторону, прежде чем бандит грузно повалился на пол, а деревянный буфет, нашпигованный посудой, накрыл его, точно могильная плита.

Оцепенев от ужаса, Офелия наблюдала, как пятно вязкой жижи растекается по доскам, и только торопливые шаги на втором этаже вывели ее из ступора. Она вскочила и помчалась через холл под яростный вопль: «Хватай девочку!»

Отчаянный рывок к двери, прыжок — и вот уже лестница позади. Гравий впился в босые ступни, а она даже не притормозила и бросилась прочь с криком о помощи. Ее зов переполошил всех собак, но не зажег ни одного окна.

Улица спускалась к городским трущобам и фермам, за которыми начиналось пшеничное поле. Спрятаться там негде, попросить защиты — не у кого, а поворачивать уже поздно. С улюлюканьем и свистом преследователи неслись за ней.

Пробегая мимо фермерских участков, Офелия снова попыталась докричаться до местных. Бесполезно. В груди жгло все сильнее, а босые ноги замерзли до онемения. Тело двигалось само, как у заводной куклы. Казалось, механизм вот-вот сломается, и она рухнет на землю без чувств. Грабители тоже устали и замолкли, хотя по-прежнему не отпускали далеко.

Дорога петляла и уводила все дальше, пока не оборвалась у дома — огромного, старого и одинокого. Это был последний шанс на спасение.

Взобравшись по ступеням высокого крыльца, Офелия заколотила в запертую дверь. С той стороны раздался громкий собачий лай, но ничего больше: ни шагов, ни вопроса «кто там?». В окне — ни тени, ни проблеска света.

— Откройте! Спасите! Умоляю!

Голос ее сорвался в рыдания, что лишь раззадорило преследователей, окруживших крыльцо. Они зашлись хриплым смехом, подступая ближе. Загнанная в ловушку, Офелия вжалась в дверь, с горечью осознав, что все надежды напрасны: местные никогда не отзовутся и никому не помогут. Таковы традиции города. Один из бандитов, тот, что выше и шире остальных, уже поднимался по лестнице, разведя в стороны огромные ручищи, готовые схватить добычу.

Неожиданно дверь за спиной распахнулась, и какая-то неведомая сила затащила ее в дом. Офелия не удержалась на ногах и упала навзничь, приложившись затылком к каменному полу. В глазах потемнело, и на время она вообще перестала что-либо видеть, доверяя лишь слуху. Раздался металлический скрежет, затем грохот, яростные возгласы и ругань.

— Эй, верни девчонку! — рявкнули из-за двери.

— Иначе спалим к демонам весь дом!

Офелия лежала, боясь пошевелиться и готовясь к худшему: вот сейчас ее схватят и вышвырнут вон, чтобы избавиться от проблемы. Вместо этого голос из темноты властно шикнул:

— Марш наверх! Прячься!

Позабыв о боли, она поднялась и интуитивно побежала на свет, к лестнице. Взлетев по ступеням, юркнула в первую замеченную дверь. За ней оказалась небольшая спальня. Офелия рыбкой нырнула под кровать, натянула край покрывала до пола и затаилась.

Мог ли хозяин дома в одиночку противостоять троим? С ужасом она представила, что случится, если грабители прорвутся внутрь. Никакое укрытие ее не уберезет. Фантазии прервались чередой звуков: звоном разбитого стекла, стуком, лязгом и парой громких хлопков, похожих на выстрелы. А потом наступила гнетущая тишина.

Офелия вся сжалась и, кажется, перестала дышать. Прислушалась. Глухой стук. Скрип двери. Щелчок тумблера лампы. Чьи-то медленные шаги, звучащие все ближе...

Она видела лишь кожаные сапоги — высокие, с толстой шнуровкой, такие в доме не носят. К горлу подкатила тошнота. *«Хоть бы не они, хоть бы не они...»* — взмолилась Офелия. Тем временем человек вычислил, где она прячется, опустился на колени и заглянул под кровать.

На Офелию уставились черные и блестящие, как лакричные конфеты, глаза.

— Можешь вылезать, они ушли.

Ей протянули руку и помогли выбраться.

— Как твоя голова?

— На месте, — буркнула Офелия, осторожно ошупывая шишку на затылке, и осмелилась посмотреть на своего спасителя.

Он выглядел ровесником ее двадцатилетней сестры или только казался младше своего возраста. Возможно, такое впечатление создавала его щуплая фигура в наглухо застегнутой куртке с металлической фурнитурой и брюках, заправленных в высокие сапоги. Похожую одежду носили

охотники, а у него лицо было «неохотничье»: доброе, выразительное и необычайно подвижное, будто он примерял на себя разные эмоции и никак не мог определиться.

— Если захочешь умыться, ванная напротив. В котле есть горячая вода.

Не успела Офелия поблагодарить радушного хозяина, как раздался жуткий вой.

— Бо ругается, что я запер его, — успокоил спаситель и скрылся. Наверно, поспешил вызволить узника, поскольку вой вскоре затих.

Оставшись одна, Офелия резко ощутила усталость, взглянула на босые ноги — все в пыли и ссадинах — и заключила, что встреча с мылом неизбежна.

Ванную комнату украшали изразцы, латунные краники и прочие изыски. Под круглым окном стояла массивная ванна на звериных лапах. Сплошная роскошь, пусть обветшавшая и запущенная, если приглядеться. По стенам расплозились ветвистые трещины, котел покрылся ржавчиной, а лепной узор на потолке зиял пустотой — пара фрагментов выпала, словно молочные зубы.

Наскоро ополоснувшись, Офелия отправилась на поиски хозяина. Следуя на свист чайника, она забрела на кухню. На пороге ее встретил пес: бело-рыжий, с черными подпалинами на спине и свисающими ушами, которые смешно затряслись, когда он залаял.

— Бо, — одернул его хозяин, пригрозив кухонным полотенцем, — будь вежлив с нашей гостьей. Хватит ей потрясений на сегодня.

Пес сменил гнев на милость и даже позволил погладить себя. Усыпив его бдительность, Офелия подобралась к столу, где ее дожидались кружка с мятным чаем и аккуратно сложенный плед. Укутавшись, она устроилась на стуле, поджала ноги и прикрыла саднящие ступни.

— Как тебя зовут, привидение в белом? — шуточно спросил ее спаситель.

В одежде, болтающейся на ней, как простыня, Офелия и впрямь могла сойти за привидение, что ворвалось среди

ночи в чужой дом. Сорочку она одолжила у сестры, дабы не так сильно грустить в одиночестве. Как и все вещи Флори, спальная рубашка пахла ее духами: свежестью бергамота и сладостью пионов, хотя к этому моменту утратила аромат. Теперь от нее несло потом и дорожной пылью.

Офелия назвала свое имя. Мягкое и певучее, оно совсем не подходило для обычной жизни: «Офе-е-е-елия», — как самая печальная мелодия для скрипки. Представившись, она как обычно добавила:

— Можно просто Фе.

— А я Дарт, будем знакомы.

Его имя пронеслось резко и твердо, как нож, вонзившийся в мишень. Офелия подумала о метателе ножей из цирка. Каждый раз, когда металл и дерево говорили «Дарт», зал аплодировал. Она повторила имя, привыкая к нему. Сложные, длинные имена были для каждого предметом гордости, и при знакомстве люди всегда представлялись полностью, не упуская ни одной буквы.

— Это сокращение?

— Нет, просто мои родители ленивые люди. — Усевшись у противоположного края стола, Дарт лукаво прищурился и спросил: — Ну-с, и что же случилось с Офелией?

После ее короткой сбивчивой речи Дарт погрузился в размышления и задался самым опасным вопросом: где же были взрослые. Ей не хотелось отвечать, но пришлось. Сестра уехала по делам, а родителей с ними больше нет. Как странно и дико звучала правда. Дарт выдохнул одно только «ох» и замолк, а она хлебнула чаю, чтобы избавиться от горечи во рту, оставшейся от ее слов.

— Значит, ты живешь со старшей сестрой, — продолжил он чуть погодя.

— Да, просто Флори уехала решать вопрос с наследством. — Офелия растерянно замолчала, силясь придумать объяснение их проблемам, а в итоге призналась: — Я мало что в этом смыслею.

— Оно и неважно.

Дарт сделал пару глотков из своей кружки и улыбнулся из-под молочных усов, похожий на хитрого кота, а затем небрежно вытер их тыльной стороной ладони, став достаточно серьезным, чтобы спросить:

— Есть идеи, кто мог забраться к вам?

Офелия покачала головой. У нее не было времени обдумать, кто и зачем проник в их дом. Скорее всего, орудовали простые грабители, в Пьер-э-Метале таких шаек полным-полно, особенно на окраинах. Понимая, к чему клонит Дарт, она осторожно сказала:

— Наверно, придется обратиться к следящим.

— Подумаем об этом позже.

Офелия облегченно перевела дух.

Боясь снова встречаться с блюстителями порядка и возвращаться в пустой дом, она лелеяла надежду остаться на ночлег здесь. Дарту ее наглая просьба не понравилась. Улыбка вмиг стерлась с его лица, брови нахмурились. Рассеянным движением он взъерошил черные волосы, пропустив их сквозь пальцы, а после замер, словно прислушиваясь к чему-то... Неизвестно, какой ответ Дарт нашел в напряженной тишине, главное, что сжалился и позволил остаться, хотя и выдвинул для гостя три правила: не соваться в другие комнаты, кроме ныне известных, не трогать вещи без позволения и не задавать лишних вопросов.

— Лишних — это каких? — вежливо уточнила она.

— Например, вот таких, — Дарт смешно передразнил ее и сам же расхохотался.

Выглядел он вполне безобидно, и все же чувствовалось в нем какое-то опасное притворство. Она ведь совсем не знала, кто перед ней. Вдруг это сумасшедший или маньяк, поселившийся в доме на отшибе. Офелии стало любопытно, как Дарту удалось разобраться с преследователями в одиночку.

— Что я сделал с ними? А у тебя какие версии? — бросил он, и в глазах его появился коварный блеск.

Страх, холодный и липкий, как болотная жижа, медленно растекся по телу, и Офелии пришлось успокаивать

себя. Разве может такой добродушный человек оказаться плохим? Встретившись с ним взглядом, она поняла, что молча рассматривает Дарта, вместо того чтобы ответить на его каверзный вопрос.

— Я лишь надеюсь, что ты их не убил.

Дарт и тут нашел повод посмеяться. Смешок был коротким и непонятно что выражающим — то ли веселье, то ли упрек.

— Я похож на убийцу?

— В книжках убийцы обычно те, на кого никогда не подумают. Это развязывает им руки, — изрекла Офелия.

— Мудро. — Дарт одобрительно хмыкнул, а после признался: — Я подстрелил одного из них. Не смертельно, хотя достаточно убедительно. Они удрали, а я отделался легким испугом и разбитым окном.

Финал будто из сказки: злодеи наказаны, герои благородны, принцесса спасена. Офелия просияла и вернулась к уже холодному чаю. К тому времени он превратился в гадкую горьковатую жидкость. Отец называл такой чай «замерзшим», потому что, остывая, забытое озеро в кружке покрывалось пленкой, будто льдом. В какой-то момент, отвлекаясь от работы, отец обнаруживал это, шел за новой порцией и, возвращаясь за чертежный стол, звучно прихлебывал по пути.

Воспоминания согрели не хуже шерстяного пледа, и Офелия едва не уснула за столом. На ватных ногах она поплелась за Дартом и оказалась в той самой спальне, где недавно пряталась.

— Раз вы сами выбрали друг друга, поселим тебя здесь, — заявил он и, пожелав доброй ночи, ушел.

Без него в комнате стало тихо и зловеще. Над кроватью парила тень балдахина, а напротив вырисовывалась мрачная громадина шкафа. Отгоняя прочь пугающие мысли, Офелия скользнула под одеяло и уснула крепко, безмятежно — так, словно и не было никаких погонь, выстрелов, нападений; словно не было ничего, кроме мягких объятий постели.

Комнату заливал яркий солнечный свет. Разноцветные блики от витражного окна танцевали на стене и складывались в причудливые узоры. Офелии казалось, будто она очутилась внутри калейдоскопа, механизм которого только что крутанули. Пестрая картинка почти стерла воспоминания о минувшей ночи, но стоило повернуться, и все тело отозвалось глухой болью.

Умывшись и расчесав спутанные волосы, она почувствовала себя намного лучше. Чтобы оценить свой вид, не хватало только зеркала — а его не нашлось ни в ванной, ни в спальне, ни у лестницы. Поиски закончились, едва Офелия почувала невероятные запахи: печеного хлеба, молочного какао и ванили. Голодный желудок капризно заурчал, требуя завтрак.

Когда она заглянула на кухню, Дарт как раз доставал противень с выпечкой, насвистывая веселую мелодию. Стол уже был накрыт (почему-то на три персоны). Памятуя о правилах дома, Офелия не стала спрашивать, кому предназначена третья тарелка. Может быть, Бо? Словно прочитав ее мысли, пес переметнулся к ней, выключившая угощение. За эти печальные глаза можно было отдать последний кусок, но ему перепал только краешек сырного кренделя.

После завтрака Дарт собрался к стекольщику, чтобы заказать окно взамен разбитого, и Офелия осмелилась попросить заодно отправить письмо в Лим. Благо она знала адрес, где Флори собиралась остановиться. В коротком послании Офелия просила сестру поскорее вернуться и прийти в дом за пшеничным полем. Чтобы не возникло путаницы, Дарт дополнил письмо простенькой картой, указав стороны света и ближайший ориентир — водонапорную башню. С удивлением Офелия обнаружила, что убежала не так далеко, как ей показалось ночью.

— У меня есть еще одна просьба, — смущенно добавила она напоследок. — Пожалуйста, не обращай к следующим!

Дарт с интересом воззрился на нее:

— Это еще почему?

Она прикусила губу, не решаясь признаться, что им с сестрой нельзя привлекать внимание. Однажды стражи правопорядка отравили их в приют, а затем едва не упекли Флори за решетку. В тот раз сестре чудом удалось спастись, и теперь Офелия боялась, что нынешнее происшествие снова натравит на них следящих.

Она раздумывала над ответом слишком долго, чем и выдала себя. К ее удивлению, Дарт не стал выпытывать подробностей.

— Лезть в чужие проблемы себе дороже. — Он задумчиво потер подбородок и добавил: — Мне хватит разбитого окна.

Уходя, Дарт отдал команду Бо охранять дом — и на том скрылся. Судя по шуму, он последовал не ко входной двери, а на второй этаж. Офелия удивленно слушала, как наверху что-то грохочет. Оставалось гадать, что за выход скрывается там: неужели через крышу? Она бы проверила, но правила дома запрещали посещать другие комнаты, кроме тех, где она уже была, а также трогать вещи, шуметь и открывать *любые* двери. Проще перечислить, что ей дозволялось.

Пытаясь себя чем-то занять, Офелия обошла кухню. Приметила две двери по разным углам — одна вела в кладовую, а другая оставалась тайной, хотя в богатых домах к кухне обязательно примыкала просторная столовая, где проводились семейные завтраки, полуденные обеды и званные ужины. Проверять догадку Офелия не стала и прошествовала в холл. Разбитое окно Дарт заколотил широкой доской и закрепил ее согнутым гвоздем вместо задвижки. По левую сторону от двери было такое же окно, только целое. Выглядело это так, будто после драки у дома остался один здоровый глаз, а второй, подбитый, прикрыли повязкой. Унылая экскурсия завершилась прогулкой по длинному коридору с чередой запертых дверей. Раздосадованно вздохнув, Офелия скользнула в спальню.

Солнце больше не заглядывало в витраж, и от калейдоскопа осталось лишь несколько отблесков на полу.

Она улеглась на кровать под тюлевым балдахинном и стала размышлять. Если Дарт отправит послание до обеда, то к вечеру оно доберется до адресата. Вся надежда на Плавучую почту. Так в Пьер-э-Метале называли контору связи, соединявшую прибрежные города. По Почтовому каналу ходили проворные суда, доставлявшие письма и посылки, а позже появились паромы, перевозящие пассажиров. Если Флори поспешит, то успеет на ночной рейс и вернется завтра к утру.

От размышлений Офелию отвлек странный шум: вначале послышалось что-то вроде короткого всхлипа, а затем громкий хлопок. Она подскочила и завертела головой, но в комнате не нашлось ничего подозрительного, кроме шкафа, занимающего стену напротив кровати. Может, Бо забрался внутрь? Она решила проверить, чтобы не бояться понапрасну.

Дубовые дверцы с патиной распахнулись от легкого прикосновения, из шкафа дохнуло смесью ароматов из старого дерева, лаванды и календулы. Все пространство было забито платьями, и рука сама потянулась к одному из них, расшитому серебристым стеклярусом. Наряд выглядел как доспехи и весил, наверно, так же. Едва Офелия подумала о том, чтобы примерить его, зрение уловило движение: изящное, мимолетное и неестественное — потому что принадлежало платью. Оно протянуло к ней ярко-алые рукава, окольцевало запястья и рывком потащило в шкаф.

Офелия попыталась сопротивляться, упереться ногами в пол, но узлы сдавили сильнее, и пальцы пронзило игольчатой болью. Она успела только вскрикнуть, прежде чем нутро шкафа поглотило ее. Дверцы захлопнулись, ключ дважды провернулся с той стороны, а Офелия нырнула в душную глубину платьев. Одни наседали пышными юбками, другие царапались нашитыми камнями, третьи щекотали отделкой из перьев, а то, что утащило ее сюда,

продолжало стягивать узлы на запястьях. Она почувствовала себя пленницей в кандалах, брошенной в темницу.

Со злости Офелия толкнула ногой дверцу и отчаянно заворочалась. Рукава не давали свободно двигаться, и все, чего она добилась, — запуталась в юбке с кринолином. Были платья живыми или только мерещились такими, лучше им не сопротивляться. Офелия смирилась и обмякла, поняв, что самой отсюда не выбраться. Оставалось дожидаться Дарта.

Время тянулось издевательски медленно. Ей казалось, будто она просидела здесь несколько часов, чихая от запаха саше. В закрытом шкафу аромат душистых сухоцветов был навязчивым до тошноты.

Наконец слух уловил звонкий лай Бо. Офелия встрепенулась, и узлы затянулись крепче. Она хотела позвать Дарта по имени, вот только все согласные померкли на фоне пронзительной и протяжной «а-а-а-а-а». Крик прервался на вдохе и превратился в сдавленный хрип, когда атласный пояс по-змеиному обвился вокруг шеи в удушающем захвате. Связанные руки не могли дотянуться, чтобы помешать этому. Всерьез испугавшись, Офелия заколотила ногами.

Напуганная, она не сразу поняла, откуда этот слепящий свет и что за сила тащит ее наружу. Дарт действовал быстро и решительно: проворными пальцами ослабил петлю на шее и стянул пояс через голову, затем вцепился в рукава повыше тугих узлов и с силой рванул на себя. Ткань затрещала, а следом раздался оглушительный вопль. Офелия была готова поклясться, что он донесся прямо из глубины шкафа.

Потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать, что случилось и как она очутилась на кровати. Может, всему виной ее кошмары? Офелия пошевелила рукой и заметила на запястье синий обод — след от крепких узлов.

— Это был не сон, — мрачно сказал Дарт. Он сидел на полу у изножья кровати. Взгляд строгий и прожигающий, на губах ни намёка на улыбку. — Ты должна уйти.

Она резко села, отчего голова закружилась.

— Пожалуйста, не прогоняй меня!

— Хозяин не хочет видеть посторонних. — Дарт бросил на нее виноватый взгляд. — Гостеприимство безлюдя недолговечно.

Офелия ахнула. Она считала истории о безлюдях городскими легендами — далекими от истины, приукрашенными воображением. Поговаривали, что заброшенные дома дичали без жильцов, обретали разум и магические свойства. Кто-то называл их заразой на теле города, а кто-то считал отдельным народом с собственными устоями, историей, традициями. В родном Лиме чаще говорили не о безлюдях, а о том, как не допустить их появления. Поэтому Офелия знала о них лишь по рассказам сестры.

— Кажется, безлюдями называют брошенные дома. Но ты же тут живешь.

— Я лютен. Домовой, если угодно. — Дарт приложил два пальца к виску и отсалютовал. — И не живу, а работаю. Раз хозяин больше не согласен терпеть тебя, я вынужден подчиниться.

Ошеломленная, она немо застыла перед ним. Если про безлюдей в Лиме говорили, пусть и неохотно, то про лютенон никто и словом не обмолвился. Тем более о том, что у безлюдя есть человек, беспрекословно выполняющий приказы.

Офелия попыталась убедить Дарта, хотя его хмурый вид не обещал никакого снисхождения.

— Сестра будет искать меня здесь!

— Встречу ее и отправлю, куда надо.

— А если грабители снова придут?

Дарт раздраженно вздохнул, но уже не нашел что возразить.

— Если со мной что-нибудь случится, это будет на твоей совести, — горячо выпалила она, а следом добавила: — И тогда тебе придется иметь дело с моей сестрой.

— Звучит как угроза, — хмыкнул он. — У тебя строгая сестра?

— До жути, — подтвердила Офелия, если преувеличивая, то самую малость. — Лучше не связываться.

Уловка сработала. На его лице появилась блуждающая улыбка, и Дарт согласился поговорить с хозяином. Ждать вердикт пришлось долго, но в итоге Офелия получила от безлюдя разрешение остаться еще на одну ночь. Несмотря на его причуды, он нравился ей больше, чем собственный дом.

Уладив все дела, Дарт отправился на чердак — проверить крышу, прохуdivишуюся после затяжных весенних ливней. Вскоре сверху стали доноситься гулкие удары и странный скрежет. Спасаясь от шума, Офелия сбежала на кухню, куда спустя некоторое время явился чумазый Дарт, похожий на трубочиста или фермера в разгар посева. Он заметно прихрамывал, а Бо сопровождал его, как поводырь.

— Теперь в ремонте нуждаются двое: крыша и я, — заявил Дарт.

— И еще окно.

— Да, ему тоже нездоровится. — Он подхватил со стола графин и залпом выпил всю воду.

Кажется, дела с ремонтом у Дарта совсем не ладилась.

— Может, вызвать кровельщика? — любезно предложила Офелия. — Я знаю одного, он живет сразу за фермами.

— Починю все сам, как только будет подходящий для этого день.

Офелия пожала плечами. Она и не предполагала, что умение чинить крыши могло появляться только в определенные дни. Например, сестра рисовала чудесно в любое время, а вот играть в веревочку не умела никогда — все заканчивалось тем, что Флори запутывала пальцы и с досадой говорила, что вместо колыбели для кошки у нее снова получилось паучье гнездо. Еще полгода назад они устраивали беззаботные игры, а теперь даже не знали,

куда подевались веревочки. Наверно, остались в Лиме или потерялись при переезде.

Пока она размышляла, Дарт напялил поверх рабочей одежды фартук, собираясь заняться ужином. Офелия предложила помощь, но ее вместе с Бо отправили прочь, чтобы не крутились под ногами.

Изгнанные и отверженные, они поднялись по лестнице и обосновались в коридоре, приспособив его длинное вытянутое пространство для игры в мяч. Офелия бросала, Бо мчался следом и возвращался с трофеем. Так повторялось снова и снова, пока мяч не врезался в стену, отколов кусок штукатурки. Дом содрогнулся, словно от землетрясения, и Офелия решила, что с игрой пора заканчивать. Вдвоем с Бо они, как провинившиеся дети, спрятались в спальне и без сил растянулись на прохладном полу.

Витраж в круглом проеме был перевернут ребром, и в комнату проникал свежий воздух, напоенный сладковатым ароматом весенних цветов. Жаль, окно располагалось слишком высоко, чтобы выглянуть на улицу. Оставалось только воображать прекрасный сад и задаваться вопросом, распространяются ли на него правила дома.

За ужином Офелия вновь обнаружила на столе третью тарелку, которая с утра стояла как неприкаянная.

— Мы ждем гостя?

— Все уже в сборе. Ешь.

Офелия упрямо посмотрела на него. Очевидно же, что Дарт нарочно дразнил ее. Не пытался утаить правду, а предлагал догадаться самой.

— Что-то не так? — уточнил он.

— Пустую тарелку обычно ставят для привидений.

Дарт засмеялся — наверно, впервые за день. Вчера он был весельчаком, выдавая порции беспричинного смеха, а сегодня будто копил все в себе, чтобы разом просмеяться.

— Откуда... ты... это... аха-ха-ха... взяла? — едва выдыхая слова, произнес он.

— Там, откуда я родом, все в это верят, — насупившись, ответила Офелия. Она не любила, когда над ней смеются и считают глупой, а Дарт сейчас делал и то, и другое. Вдвойне обидно.

Он еще немного посмеялся — уже не так задорно, но, как бы ни старался, уголки его губ то и дело подрагивали, вот-вот готовые улыбнуться.

— Это не для привидений. Так я проявляю уважение к хозяину.

Когда речь зашла о безлюде, его мимика смогла вылепить серьезную гримасу.

— А разве безлюдям нужна еда?

— Все живые организмы чем-то питаются. Просто у каждого свой рацион.

— И что же ест безлюдь?

Дарт молча кивнул на графин, стоящий между ними. Внутри сосуда с изящным серебряным горлышком дрожала вишневая жидкость.

— Хозяин просил не задавать глупых вопросов, — напомнил Дарт.

Наконец она догадалась, что безлюдь умеет выражать эмоции. И одну — злость — уже пора выучить. Возможно, Дарт именно так и понял, что нужно ставить тарелку для хозяина, как жест, что о нем всегда помнят.

Точно так Офелия накрывала стол на четверых. Пусть родительские тарелки оставались нетронутыми, их присутствие заполняло пустоту на столе. Жаль, что сердцу нельзя помочь тем же.

Больше Дарт ни о чем не говорил. Пришлось принять его правила игры и есть молча, занимая себя мыслями о сестре. Наверно, Флори уже получила письмо и собирается домой. А завтра, да не повернется канал вспять, паром причалит к берегам Пьер-э-Метая. Флори придет сюда, познакомится с Дартом и его безлюдом. Вот она удивится... и, хочется верить, не рассердится, когда увидит, во что превратилась ее ночная сорочка, в которой Офелия, за неимением другой одежды, щеголяла и сейчас.

Вечер прошел за тщетными попытками вернуть сорочке прежний вид. Пара грязных пятен так и не отстиралась до конца, а разорванный рукав не удалось бы зашить незаметно даже самой искусной мастерице, что уж говорить о двенадцатилетней криворучке. Она только руки себе исколола. Теперь ныло все тело: от кончиков пальцев до ступней. Бросив это напрасное занятие, Офелия натянула сорочку с мокрым пятном на боку и поморщилась: холодная ткань неприятно липла к телу, точно слизняк.

Выключив свет, она устало рухнула на кровать, но даже глаза сомкнуть не успела, как услышала что-то подозрительное. Звук был тихий и такой неразборчивый, что сначала казался щекоткой в ушах, а затем в нем прорезался протяжный скрип. Так открывалась дверца шкафа, хотя Дарт точно запирает ее. Вопреки замкам, дубовые створки свободно качались в воздухе, пока не захлопнулись с грохотом, похожим на выстрел. Воспользовавшись моментом, Офелия подскочила к шкафу и дважды провернула ключ. Внутри что-то стукнуло и замолкло. Она облегченно выдохнула и вернулась в постель.

Не прошло и пяти минут, как все повторилось: стук, скрип, распахнутые настежь дверцы и шелест платьев, будто зовущий шепот. Тут уже впору испугаться, а Офелия вместо этого решительно двинулась в наступление. Навалившись на дубовую дверцу плечом, она потянулась за ключом, как вдруг тот вылетел из замочной скважины и саданул ее по руке.

Не дожидаясь, когда шкаф выкинет что похлеще, Офелия бросилась за Дартом. Но его нигде не было, и на крик он не отозвался. Она могла бы постучать к нему, да не знала, какая из десятка дверей в длинном коридоре ей нужна. Входить без спроса в другие комнаты безлюдь не разрешал. Смирившись с правилами, Офелия вернулась и с удивлением обнаружила, что дверь в спальню заперта. Дернула за ручку раз, другой — не поддается. Попробовала толкнуть плечом, но это не принесло ничего, кроме болезненного ушиба.

Стены гулко задрожали, разномастные картины, висевшие над лестницей, тревожно зазвенели стеклами. Звук напомнил о рухнувшем буфете с посудой. Охваченная тревогой, Офелия спряталась на кухне. Вряд ли это могло остановить издевательскую игру безлюдя, зато здесь не было шкафа с живыми платьями и нашелся плед — уже достаточно, чтобы переждать беспокойную ночь.

Мостясь на стуле, Офелия собиралась бодрствовать до самого утра, но вскоре задремала.

Ее разбудил едкий запах гари. Виновник случившегося обнаружился сразу. Дарт швырнул сковороду в раковину и выругался:

— Завтрак отменяется. Эта зараза спалила яичницу.

Осталось неясным, кого обвиняет Дарт: печь или сковороду. Сегодня он выглядел неопрятно и дико, будто только что вернулся домой после долгих скитаний.

Офелия предложила приготовить что-нибудь другое, памятуя, что вчера Дарт показал себя прекрасным поваром. От одних воспоминаний о сырных кренделях ее желудок заурчал.

— Можешь готовить что угодно, — бросил Дарт, усаживаясь за стол. — Я голодный, как стая волков.

Он изобразил звериный оскал. Офелия осторожно выскользнула из-за стола, стараясь держаться подальше от Дарта, и оглядела запасы продуктов на кухне: скисшее молоко, горстка муки и последнее куриное яйцо, уцелевшее после яичницы. Не теряя времени на проверку кладовой, Офелия приготовила омлет. Стряпня выглядела неважно, хотя на вкус получилась сносной.

Уверенности в ней поубавилось, когда Дарт скривился при виде блюда.

— Это рыбы потроха?

Краснея от стыда, Офелия замерла, ожидая, что содержимое тарелки отправится в мусорное ведро. Вместо этого Дарт жадно набросился на завтрак и стал поглощать его с невиданной скоростью.

— А с чего вдруг ты спала тут? — Он ткнул вилкой в воздух.

Офелия испуганно вздрогнула, но столовый прибор не полетел в нее, а продолжил терзать остатки омлета на тарелке.

Услышав историю о громыхающем шкафе и запертых дверях, Дарт захохотал во весь голос, запрокинув голову назад, как будто в ее рассказе и впрямь было что-то забавное. Не в силах больше терпеть его выходки, Офелия сбежала наверх.

Дверь в комнату была открыта, словно запертые замки померещились ей спросонок. На полу, устроившись в гнезде из упавшего одеяла, дремал Бо. Она присела рядом и пробормотала:

— Ты тоже не выносишь такого Дарта?

В ответ пес положил морду ей на колено и блаженно прикрыл глаза, когда ему почесали за ухом. Он так и лежал, пока их не потревожил звонок, прозвучавший как десятки колокольчиков. Бо подорвался, а Офелия поспешила следом, уже зная, кто пришел. Пока они спускались, Дарт открыл дверь.

На пороге, окутанная утренним светом, стояла Флори. В лучах солнца ее темно-русые волосы, собранные в легкую прическу, отливали бронзой. Несмотря на изнурительную дорогу, сестра выглядела великолепно в платье с цветочной вышивкой и коричневой шляпке, сдвинутой на затылок. В руках она держала дорожный чемодан и смятый лист с нарисованной картой, что привела ее сюда.

— Здравствуйте, я ищу свою сестру. — Флори кротко улыbnулась.

Дарт оглядел ее с головы до ног и присвистнул. А потом тягуче произнес:

— О, так вы госпожа... как вас там...

— Флориана, — мягко напомнила она и тут же изменилась в лице от внезапного заявления:

— Стало быть, цветочек? Из какой клумбы пожаловали?

Он снова зашелся в нехорошем, громком смехе. Флори кашлянула.

— А вы, стало быть, Дарт?

— Для вас Даэртон, — бросил он небрежно.

— Очень... приятно, — любезно выдавила она.

— И это я еще одет.

Пытаясь скрыть неловкость, Флори отвела взгляд и заметила Офелию, застывшую на лестнице. Губы сестры тронула слабая улыбка облегчения. Должно быть, письмо сильно встревожило ее. Офелия бросилась к Флори с объятиями и поспешила заверить, что все в порядке.

Их теплое приветствие нарушил нарочито громкий зевок. Дарт, как неблагодарный зритель, был утомлен скучным зрелищем. И откуда в нем столько черствости? Сохраняя удивительную для такого случая вежливость, Флори сказала:

— Спасибо за помощь, господин Даэртон.

— Не стоит благодарности, госпожа... как вас там... Ботаника?

— Ее зовут Флориана. — Офелия повернулась, чтобы смерить Дарта обиженным взглядом. Она столько рассказывала ему о сестре, что он не мог забыть имя. Просто дразнил ради забавы.

— Да-да, именно это я имел в виду, — отмахнулся он и добавил напоследок: — Заходите на чаек в какой-нибудь... никогда.

Не успели сестры что-то ответить, как дверь захлопнулась перед ними, оставляя на пороге в полной растерянности.

— Кажется, нам пора, — заключила Флори.

Офелия поспешила за ней и не сразу осознала, что шлепает по пыльной дороге босиком. Поведение Дарта поразило их обеих: этот несносный грубиян совсем не подходил под описание «доброго и отзывчивого хозяина», каким его представили в письме.

— Не стоило оставаться у него, — рассуждала Флори, шагая впереди. — Постучала бы к соседям или к господину Лаберу, к кому-нибудь, кого мы знаем.

— Ну уж нет. Все в округе сидели по домам, пока я звала на помощь. И только Дарт откликнулся!

После этого сестра должна была проникнуться его героической натурой, но тут ей на глаза попались босые ноги Офелии, и Флори озадачилась вопросом, куда подевалась обувь. Рассказ о грабителях она слушала внимательно, стараясь скрыть тревогу под маской серьезности. Офелия упомянула о падении буфета, позволившем ей сбежать, а вот о том, что дом Дарта — настоящий безлюдь, решила пока умолчать. Лучше выждать время, когда Флори успокоится и согласится навеститься к нему.

Пока в голове Офелии зрел план, они прошли фермерские амбары и добрались до улиц — не таких пустых и безмолвных, как в ночь погони, когда весь квартал притворился спящим и глухим.

Увидев издали знакомую крышу, увенчанную сломанным флюгером, Офелия поежилась от мысли, что скоро вновь окажется там, где едва не погибла.

Дом, унылый и неприглядный, выражал полное безразличие. Входная дверь оказалась наглухо заперта, хотя Офелия впопыхах даже не прикрыла ее, и вряд ли это предусмотрительно сделали грабители. Возможно, они возвращались сюда позже или здесь хозяйничал сквоттер.

Флори открыла замок своим ключом, и сестры вошли, опасливо озираясь по сторонам. Свет в холл почти не попадал, а серая штукатурка на стенах только добавляла комнате туманной мрачности. Когда Флори зажгла лампу, тусклое желтоватое пятно легло на пол, оставив углы темными. Дом встретил их, будто ничего не случилось. Буфет стоял на том же месте, что обычно, в первоначальном виде: стекла и дверцы целы, посуда аккуратно расставлена по полочкам. Офелия растерянно скользнула взглядом по доскам на полу, где должны были остаться следы крови, однако ничего не нашла, словно дом тщательно убрали и отмыли.

Флори осмотрела буфет: провела рукой по дереву, простучала стекла на дверцах, а потом проверила посуду. Ни скола, ни царапинки.

— Ты ничего не напутала? — Сестра старалась сохранить в голосе мягкость, и все же в нем звучала сдержанная строгость, точь-в-точь как у мамы. — Может, это был ночной кошмар?

— Нет! — В доказательство Офелия показала синяки на руках и ногах, не уточняя, что следы на запястьях оставили живые платья. Уж этому Флори точно не поверит. — Спроси у Дарта, он тоже видел грабителей. Они ему окно разбили!

— О, милая, я хочу тебе верить, но... — Сестра попыталась обнять ее.

Офелия обиженно отпрянула:

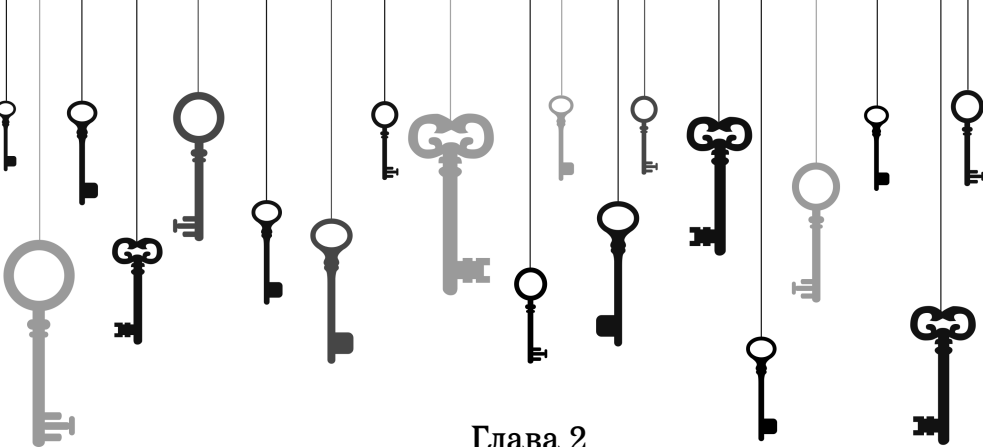
— А если бы Дарт тогда не поверил мне? Моя смерть тебя бы убедила?

Не в силах больше сдерживаться, она заплакала и, утирая хлынувшие к уголкам губ слезы, умчалась на кухню. Вспоминая события той ночи, Офелия толкнула дверь, ведущую на задний двор. Заперто. Даже ее любимая тарелка из глазури, разбитая грабителем, сейчас целехонькая стояла на столе.

Офелия опустилась на пол и зарыдала еще горше. За всхлипами она не услышала шаги за спиной, только почувствовала, как рядом присела сестра. Осторожно, словно боясь обжечься, Флори успокаивающе погладила ее по волосам и прошептала:

— Недоверие значит нелюбовь. А я люблю тебя всем сердцем.

Глава 2

Дом в квартале Опаленных

Ночью Флориане мерещились то шаги на чердаке, то скрип дверных петель. От каждого шороха она тревожно вздрагивала в кровати, долго вглядывалась в полумрак и вставала проверить, как там сестра. Если удавалось задремать, беспокойный разум рисовал уродливые, чудовищные образы: не людей, не животных, а странных существ — они рычали скрипуче, как ржавые петли, и, запертые на чердаке, ходили из угла в угол. Один и тот же сон возвращался всякий раз, когда она закрывала глаза.

Не выдержав, Флориане встала, расправила сбившиеся простыни и решила обойти дом. Ее тревожило, что мотивы грабителей оставались неясны: они ничего не украли и не тронули ни одной вещи. По рассказам Офелии, это были отнюдь не добряки, которые просто ошиблись дверью. Возможно, они искали не что-то, а кого-то. Ведь ее предупреждали, что упрямая борьба за дом в Лиме до добра не доведет...

Гоня прочь дурные мысли, она проверила спальню, коридор и заглянула в комнату к сестре. Офелия крепко спала, положив ладони под щеку и тихонько посапывая. В волнах ее темных волос тонуло перышко из подушки.

Флориана винила себя за то, что бросила сестру в такое сложное время. Дело не терпело отлагательства, и она уехала, как только накопила достаточно денег. Поездка не принесла ничего, кроме разочарования. Ее предложение

обменять семейный дом в Пьер-э-Метале на тот, где они жили прежде, отклонили: *«Городская собственность не наследуется и не может быть обменена на дом чужеземных земель».*

С каждым прошедшим днем ее надежды вернуться в Лим таяли. И сейчас, обойдя весь дом, который даже при свете фонаря выглядел удручающе, Флори заключила, что никто не купит такую развалину.

Убедившись, что все двери и окна заперты, она вернулась наверх и помедлила у хлипкой лестницы, ведущей на чердак. Офелия уверяла, что слышала голоса призраков, обитавших под крышей. Флори не воспринимала игру воображения всерьез, но заглядывать на чердак не желала. Он и безо всяких потусторонних сил был ужасным местом — местом, где погибли родители. Стоило ей подумать об этом, наверху что-то гроыхнуло. Флори вздрогнула и едва не выронила из рук фонарь. Она попыталась убедить себя, что всему виной особенности постройки: раскаленная за день крыша остывала, издавая резкие хлопающие звуки; неправильно сложенная вентиляция гудела от потоков воздуха; а шорох издавали птицы, свившие гнездо на чердаке.

В этом доме всегда было серо и промозгло, точно в осеннем тумане. Флори продрогла и с упоением забралась под теплое одеяло, хотя не надеялась, что уснет.

Всю оставшуюся ночь она провела, размышляя о том, как быть дальше. Она чувствовала себя потерянной и бессильной — с того самого дня, когда пришла весть: их родители погибли, а дом в Лиме полагается немедленно освободить. Отец, Стэнли Гордер, заняв должность главного архитектора, получил жилье от города. Много лет этот уютный дом служил семье. Там сестры провели счастливое детство, и оттуда же их выгнали в момент, когда они сильнее всего нуждались в убежище. В официальных бумагах о выселении указали, что *«Стэнли Гордер по причине внезапной смерти не может продолжать работу в городском управлении архитектуры и пользоваться служебными привилегиями».*

Сестры покинули Лим, и улица Чайных Роз, где они жили, сменилась мрачным видом на квартал Опаленных, названный в честь тех, кто тушил здесь крупный пожар. Давным-давно, в одно засушливое лето, трава вспыхнула, будто от спички. Ветер быстро пригнал огонь с окраин на ближайšie дома. Дядюшка Джо, упокой Хранитель его душу, рассказывал об этом как очевидец.

От печальных мыслей в груди появился стылый комок, будто слезы заледенели и тяжелой глыбой застряли меж ребер. Вот что бывает, если не позволять себе плакать. Флори помнила мамины слова о том, что слезы похожи на морскую воду: щиплют, попадая в глаза, и делают их тусклыми. Мама оказалась права. Флори достаточно посмотреть в зеркало, чтобы убедиться: цвет ее глаз и впрямь потускнел, став как выгоревшая на солнце листва, а на лице еще отчетливее нарисовались веснушки, похожие на ржавчину, словно проступили там, где раньше были слезы.

Да, не стоило ей плакать, поэтому Флори взяла себя в руки и решительно шагнула в новый день.

Утро выдалось солнечным и жарким. В воздухе пахло сладко, будто в него подмешали сахар, и Флори казалось, что пить хочется не из-за быстрого шага, а от вдохов с приторным послевкусием. Она утерла пот со лба и переложила плетеную корзину в другую руку.

Офелия бодро шагала рядом, глаза на дома вокруг и не замечая, как стремительно улица набирает высоту. Прилсы жили на Зеленых холмах, и восхождение от квартала бедняков к роскошным особнякам было символическим.

Сестры договорились не оставаться дома поодиночке и теперь, будто связанные незримыми нитями, следовали друг за другом. Офелия считала это интересной прогулкой, Флори — изматывающей рутинной.

Она преподавала рисование дочери Прилсов и не то чтобы довольствовалась своей работой, просто в нужде выбирать не приходилось. Если ты голоден, то примешь и краюшку хлеба. Среди всех перспектив, поджидающих ее в чужом городе, преподавание было не просто хлебом, а сдобной булкой в глазури, так что Флори не жаловалась.

Дом Прилсов стоял под сенью раскидистых каштанов, унизанных белыми соцветиями. Офелия сказала, что они похожи на большой торт со множеством свечей.

Дверь открыла экономка Долорес — женщина средних лет с пучком рыжих волос на затылке. Ее прическа всегда была одинаково аккуратна: ровный кругляш в невидимых шпильках, прилизанная макушка и ни одной выбившейся пряди. Флори подумывала о том, что именно эта прическа служила основой образа. Экономке с таким безукоризненным порядком на голове можно было доверить в управление целый особняк.

Долорес провела их в гостиную, обставленную бархатными диванами на изогнутых ножках. Впервые оказавшись здесь, Офелия с любопытством озиралась по сторонам, пока на деревянной лестнице, начищенной воском, не раздался стук каблучков, неизменно сопровождающий госпожу Прилс. Ей не было и тридцати, но выглядела она намного старше Флори. Вернее, это Флори казалась нелепым подростком на фоне статной женщины, которая даже дома предпочитала носить шелковые платья до полу и бархатные туфли на каблучке. Светлые волосы она укладывала волнами, по-старомодному, щедро пудрила угловатое, измученно-худое лицо и являла собой образец высокомерной строгости.

— Вы сегодня с сестренкой, Флориана? — Госпожа Прилс оглядела Офелию с тем же нескрываемым любопытством, с каким та изучала интерьер, и заключила: — Похожи как близнецы, только один будто не вырос.

— Возраст дело поправимое, госпожа. — Офелия притворно улыбнулась. — В отличие от чувства юмора.

На лице госпожи Прилс отобразились возмущение наполовину с растерянностью. Она просчиталась, приняв внешнее сходство сестер за сходство характеров. Но Офелия была не по годам остра на язык, в то время как Флори носилась со своей вежливостью, точно квочка.

— Погуляй в саду, детка, — бросила госпожа Прилс и, вновь обретя властную уверенность, обратилась уже к Флори: — Лили ждет наверху.

Флори и самой не терпелось сбежать из гостиной, чтобы приступить к привычным обязанностям. Однако сегодняшнее занятие давалось ей тяжело — сказались бессонная ночь и дурное настроение. У Лили тоже выдался непростой день. Она злилась, что набросок не получается, и в конце концов сдалась, швырнув карандаш на стол.

— Лора, мне скучно!

Флори не возражала, что ученица коверкает ее имя, пока не узнала, что является не единственной Лорой в доме. Среди ее тезок были фарфоровая кукла, рыбка в аквариуме и карликовая собачка, которая умела танцевать на задних лапках, выклянчивая печенье. Так что у Лили подобралась довольно занятная компания для развлечений.

Флориана мягко поправила ее и проговорила свое имя по слогам. Лили капризно надула губы и сжала кулачки. Как любой избалованный ребенок, она не любила, когда ей кто-то перечит.

— Ты сегодня скучная и строгая, как этот карандаш.

Она потрогала пальчиком слом грифеля, а Флори тоскливо подумала, что именно так себя и чувствует: брошенной, надломленной, уязвимой. Ей хотелось спрятаться в ящике стола, чтобы никто не нашел.

После занятия Флори отправилась на поиски сестры. По мощеной дорожке, петляющей между цветущими кустарниками, прошла в глубину сада, откуда доносился чей-то плач. Вскоре она увидела, что за драма разгорелась в тени каштанов: Офелия растерянно вертела головой,

явно пытаюсь сообразить, как успокоить рыдающего Бенджамина — младшего из Прилсов.

— Тебя что-то напугало, малыш? — обеспокоенно спросила Флори и присела рядом, чтобы оказаться на одном уровне с Беном. Большие прозрачно-голубые глаза, блестящие от слез, словно были нарисованы акварелью на белом, почти бумажном лице.

— Садовики-и-и... — проныл он, тыча пальцем куда-то в сторону зеленой изгороди, разделяющей сад.

— Не нужно их бояться, они добрые.

Бен шмыгнул носом и осторожно переспросил:

— Садовики-добрятки?

Не успела Флори ответить, как на них коршуном налетела нянька, подхватила Бена, будто птенца, выпавшего из гнезда, и утащила в дом. Бедняжка испугалась выговора за то, что недоглядела за малышом, и даже словом не обмолвилась.

Сестры переглянулись и, не сговариваясь, поспешили прочь. Едва оказавшись за пределами двора, Офелия попыталась оправдаться:

— Он сам попросил рассказать сказку. Откуда ж мне было знать, что его испугают садовики?

— И кто это?

— Ну... как лесовики, только в саду.

— А я подумала, что это какие-нибудь огромные жуки с челюстями мощнее секатора, — подыграла Флори и засмеялась, когда Офелия недовольно скривилась.

Фантазии младшей сестры были безудержны и неукротимы. Подобно волне, они накрывали всех, до кого могли дотянуться, и, сталкиваясь с нерушимой скалой реальности, возвращались обратно, вызывая волнение в ней самой.

Пытаясь увести разговор подальше от мерзких насекомых, Офелия сказала:

— У меня есть сказка поинтереснее. — И, хитро улыбнувшись, прошептала: — О живых домах.

А потом она поведала о Дарте, его безлуде и службе лютеном. Пояснение, кто такие лютены, было лишним.

Флори читала о зрителях, домашних, безлюдских слугах — в литературе их называли по-разному, что вызывало путаницу. Если безлюди считались малоизученным феноменом, то лютенов в некоторых источниках и вовсе называли выдуманными персонажами. И Флори охотно могла поверить этому, поскольку в Лиме домашних к службе не привлекали. Слушая сестру, она не подала виду, что заинтересовалась, и лишь пожала плечами. Одно дело — с упоением читать об исследованиях, и совсем другое — столкнуться с настоящим безлюдом и его лютеном.

Офелия расстроилась, что ее рассказ не произвел должного впечатления, и больше не проронила ни слова.

Цветущие улочки постепенно сменились бурлящим котлом местного рынка. Торговцы спешили расстаться с товаром, громко зазывая покупателей. Глупый народ, точно стайка рыб, привлеченная наживкой, крутился вокруг прилавков, споря и бранясь в толчее.

Миновав главную площадь, сестры прошли душистые овощные и бакалейные лавки и смрадные от жары лотки с рыбой, обогнули деревянные столики антикваров, торгующих всяким хламом, и наконец оказались на самом краю рынка, где еще оставалось свободное местечко. Они примостились у края прилавка, рядом с хмурой торговкой чахлыми саженцами, которая взглянула на них так, будто яркие картины и праздничные кружевные салфетки оскорбили ее траур по увядшим растениям.

Обычно Флори продавала свои рисунки в деревянных рамках, а в этот раз не успела забрать их у господина Лабера — плотника, живущего неподалеку. Офелия натакала камешки и прижала тонкую акварельную бумагу, чтобы ветер не унес.

Вскоре прилавок облепила целая стая зевак, и ушлая торговка саженцами с ловкостью заядлого рыбака выловила пару покупателей для себя. «Зачем любоваться нарисованными цветами, если можно наслаждаться живыми? — заискивающе вопрошала торговка, хватая за руки и заглядывая в глаза. — Эти цветы пахнут краской, а мои

петунии — медовой сладостью». Кто-то попадался на ее удочку и отворачивался от картин и вышивок, вдруг озаренный идеей купить горсть земли с поникшим цветком.

Им все-таки удалось продать немного, но даже скромная сумма была хорошим подспорьем после того, как все сбережения Флори истратила на поездку в Лим.

Монеты успокаивающе звенели в кармане, обещая несколько дней сытой жизни. Когда сестры отправились за покупками, рынок стал редеть и расходиться. Тем лучше, ведь в конце торгового дня многое отдавали почти даром: хлеб, овощи и фрукты. Они набрали полную корзинку и даже умудрились обменять картину на несколько пригоршней крупы.

Очередь в пекарню гудела от голосов: городские делились сплетнями. Фермеры жаловались на загубленные посевы пшеницы, и все как один винили в этом безлюдей, распространявших сырость и плесень по всей округе. Жителям явно не нравилось столь опасное соседство.

В Пьер-э-Метале редко обсуждали безлюдей, словно надеялись, что благодаря всеобщему молчанию те перестанут существовать. Как безобразные нарывы на теле города, они вызывали у многих отвращение, их боялись и обходили стороной. О безлюдях вспоминали лишь в тяжелые времена, когда несчастья и горести обрушивались на местных жителей. И вспоминали затем, чтобы сделать их виновниками всех бед.

Флори стиснула зубы при мысли, что ненавидит этот город: грубый, как наждачный камень, и холодный, как металл. За полгода, проведенные здесь, она не стала для Пьер-э-Метале «своей»: убеждения местных не прижились в ее голове, безучастное равнодушие не вытравило из нее отзывчивость и дружелюбие, свойственное южанам, а надуманные слухи не превратили безлюдей в кошмар.

В ее родном Лиме их воспринимали как особую организацию жизни, имеющую право на существование. С одной стороны, безлюди были зданиями, а потому представляли интерес для градостроителей, архитекторов

и управленцев; с другой — считались живыми организмами. Пусть брошенными, дикими и порой опасными, но *живыми*. Их популяцию следовало контролировать, а не убивать или ненавидеть. Безлюдяи нуждались в присмотре и заботе, как бродячие псы. Так считали южане.

Флори раздумывала о безлюдях и позже, занятая домашними хлопотами, которые странным образом ее успокаивали. Пока тесто для пирогов подходило, она прилегла отдохнуть. Бессонная ночь напомнила о себе слабостью в теле и головной болью. Флори и сама не заметила, как уснула, а очнулась уже в темной комнате, когда первые сумерки сгустили краски дома до темно-серых оттенков. Она сползла с кровати, еще толком не проснувшись, и побрела вниз.

Ванная комната располагалась под лестницей — там, где обычно устраивают чулан. В этой камерке умещалась только небольшая посуда с лейкой, раковина и крохотное зеркало. Вместо окна были две круглые дырки в стене, а за ней — вентиляционный канал. Из-за постоянной сырости в комнате то и дело появлялась плесень, и приходилось подолгу выводить ее нашатырным спиртом, от чего запах становился совсем невыносимым.

Флори пыталась преобразить фамильный дом: следила за чистотой и порядком, застелила кухонный стол длинной скатертью с вышивкой, перекрасила старую мебель и разрисовала стены в спальнях, чтобы добавить красок унылым комнатам. Она изо всех сил пыталась полюбить этот дом, да так и не смогла.

На старой кухне, пышущей жаром печи, к ней присоединилась Офелия, и в четыре руки дело пошло быстро. Флори едва успевала раскатывать тесто.

— Пока ты спала, на чердаке опять кто-то ходил, — внезапно сказала Офелия, и вся идиллия рассыпалась в тот же миг.

— Наверно, мыши. — Флори небрежно пожала плечами.

— А мыши разве умеют разговаривать?

Чувствуя, как по спине ползут мурашки, она едва выдохнула:

— Что ты слышала?

— Свое имя. Кажется, меня звал папа.

Флори напугали откровения сестры: скверны их дела, если на чердаке и впрямь кто-то ходил; но если там никого не было — это еще хуже. Значит, Офелия до сих пор не смогла принять действительность и верит, что в доме живут призраки родителей. Вероятно, ночное вторжение грабителей расшатало ее неокрепшую психику, и следует возобновить походы к врачу.

Флори мягко улыбнулась, стараясь не выглядеть строгий:

— Фе, жизнь — не сборник сказок, чтобы верить в небывицы.

— Но и не учебник, где все правильно и понятно.

Офелия всегда рассуждала серьезно, но, потеряв родителей, резко повзрослела и обрела какую-то особую мудрость, словно получила ее в наследство. В то время как Флори чувствовала себя беспомощным ребенком, нуждающимся в защите. Оттого разногласия между сестрами были неизбежны.

Только Флори придумала, что сказать, как дом сотрясся от дикого шума, раздавшегося откуда-то снизу, из подвала. Офелия подскочила от испуга, задела кружку на краю стола, и та упала на пол, расколовшись надвое. Из-под досок эхом донеслись звуки: шаркающие и звенящие, глухие и скрипучие. В подвале кто-то ходил и мог без труда выбраться через лаз в полу. Задвижка на нем, как и многое в доме, была сломана, и чтобы остановить незваного гостя, следовало прижать люк чем-нибудь тяжелым.

Сестры принялись отчаянно толкать обеденный стол, но едва сдвинули его с места, как в люк ударили снизу. Поняв, что поздно возводить баррикады, Флори схватила скалку — первое, что попало под руку, и застыла в ожидании. Когда крышка люка громыхнула и откинулась,

Офелия вдруг заверещала: «Сто-о-о-ой!» — и оттолкнула Флори. Она устояла на ногах, но момент упустила.

Из-под пола выглянул Дарт — такой удивленный и растерянный, будто это к нему пожаловали незваные гости. Несколько мгновений они таращились друг на друга, потом Дарт пробормотал:

— Ну и ну...

— Проваливай отсюда, иначе не поздоровится! — пригрозила Флори, потрясая скалкой в воздухе.

— Да я и так кашляю. — Он сделал показное «кхе-кхе» и тут же придал лицу более серьезное выражение, подходящее для переговоров. — Не нужно распускать... скалку. Я не злодей.

Офелия согласно закивала, но даже вдвоем им не удалось убедить Флори. Она крепче сжала «оружие» и напрыглась точно пружина, готовая разжаться в любой момент.

— Фе, беги к соседям. Пусть вызовут следящих. Скажи, что у нас в подвале грабитель.

— Минуточку, — вмешался Дарт, многозначительно воздев указательный палец к потолку. — Что за выводы? Дай хотя бы объясниться.

Флори нервно дернула плечом и... уступила. Пусть Дарт болтает, пока она думает, как действовать дальше. Получив дозволение, он изобразил вежливый жест, сняв с головы невидимую шляпу.

— Не думал, что попаду к вам. На двери не написано.

— Нет там никакой двери, лжец! — выпалила Флори.

— А вот и есть. Просто спрятана за полками. Пришлось их повредить, но я все починю. — Он скорчил виноватую гримасу. — Дело в том, что безлюдь связаны подземными ходами, и один привел меня сюда.

— И что с того?

Дарт поджал губы и, выдержав театральную паузу, заявил:

— Дамы, у меня для вас плохие новости. Кажется, вы живете в безлюдье.

От шока у Флори застучало в висках, точно беспокойным мыслям стало тесно в голове.

— Это невозможно. В безлюдях никто не живет.

— Так-то уж никто? — хмыкнул Дарт, и на его лице вновь появилась эта противная ухмылочка. Никогда прежде Флори не испытывала столь острого желания огреть кого-нибудь по голове.

— Может, объяснишь нормально вместо того, чтобы умничать?

— Может, позволишь мне сесть, чтобы я нормально объяснил? — предложил Дарт, все еще балансируя на подвальной лестнице.

Флори не доверяла ему и предпочла бы держаться по-дальше, однако желание во всем разобраться перевесило. С их домом действительно происходило что-то неладное: шаги на чердаке, голоса, грабители, ничего не укравшие... Возможно, Дарт мог пролить свет на эти события.

Он выбрался из подвала, по-прежнему находясь под прицелом скалки, и поднял руки, как будто собирался сдаваться в плен. Выглядел он весьма странно: на нем были короткие серые штаны и хлопковая рубаша с расстегнутым воротом. На шее висела всякая дребедень — цепочки, нити, деревянные бусы, кожаные шнурки с маленькими ключами, наперстком и серебряными кулонами. Его нынешний облик разрушал все представления Флори о нем. Из грубого мужлана Дарт вдруг превратился в юнца, который, видимо, рос так быстро, что в одночасье штаны стали ему коротки. В таком обличье он совсем не вызывал опасения.

Они сели за стол: сестры с одной стороны, Дарт — напротив. Флори наконец отпустила скалку и размяла пальцы.

— Итак, — деловито начал Дарт, — вы живете здесь полгода. А что было с домом до вашего приезда?

Офелия оказалась словоохотливее и выложила всю историю.

Фамильный дом построил их прадед, и с тех пор наследие передавалось от отца к сыну. Поколение за поко-

лением хозяевами здесь были мужчины, а после смерти одинокого дяди Джо дом перешел к Тейле Гордер — их матери. Она считала своим долгом позаботиться о семейном имении, пусть и не собиралась возвращаться в Пьер-э-Металь. Вскоре решение нашлось, и они наняли сторожа. Отец отправлял жалованье, а в ответ получал складный рассказ: весной сторож сажал на участке вишневые деревья, летом сражался с ежевикой, разросшейся на заднем дворе, а осенью сетовал на ураганный ветер, повредивший кровлю, которая после зимы совсем прохудилась. Потом все начиналось по кругу, проблемы сменяли одна другую как сезоны. Без крепкой хозяйской руки дом ветшал. И однажды весной, оставив дела, семейство приехало в Пьер-э-Металь, но вместо вишневого сада и залатанной крыши застало лишь разруху и запустение. Сторож исчез с деньгами, что успел вытрясти из доверчивых владельцев. В таком месте не то что жить, а переночевать было невозможно, и они, не успев перенести чемоданы через порог, повернули обратно.

Тейлу Гордер тревожило, что семейное имение, столько лет процветавшее до нее, теперь медленно превращалось в руины. Она не могла смириться с этим и осенью, воодушевленная идеями, решила снова отправиться в Пьер-э-Металь.

Уезжая, родители обещали вернуться через пару недель, но раньше них в Лим пришла страшная весть. Смерть четы Гордер расколола семью пополам. Флори и Офелия стали «сиротами Гордер» и, лишившись служебных привилегий отца, были вынуждены переехать в фамильный дом, простоявший в запустении почти три года.

К концу рассказа Офелия хлопала носом и вытирала слезы рукавом, а Флори вдруг обнаружила, что слишком крепко сжала пальцы, впившись ногтями в ладони.

— Что ж, трех лет для безлюдя более чем достаточно, — заключил Дарт. Мрачное лицо выдавало, что история его тронула, однако он не нашел уместных слов, чтобы